

«Коптил я небо божие...»

Размышлениями о том, каким должен быть человек и в чем должно состоять истинное человеческое счастье, первые четыре главы психологически подготавливают читателя к встрече с Гаврилой Афанасьевичем Оболтом-Оболдуевым. В главе «Помещик», возвращающей развитие сюжета к повествовательной схеме, намеченной «Прологом», в резком контрасте с высокими нравственными идеалами народа (образ Ермила) предстает перед судом правдоискателей жизнь одного из тех, кто превратил русские деревни в Разутово и Неелово, не давал мужику вздохнуть («Недыханьев уезд»), видел в нем рабочий скот, «конягу».

Как мы помним, уже в 40-е годы помещик и мужик представлялись Некрасову двумя полярными величинами, антагонистами, интересы которых несовместимы. В «Кому на Руси...» он столкнул лбами помещицью и мужицкую Русь и своей авторской волей заставил Оболта «исповедываться» перед мужиками, рассказывать о своей жизни, отдавая ее на суд народный.

Сатирически нарисованный образ помещика — любителя псовой охоты — проходит через многие произведения Некрасова 40-х годов (водевили «Шила в мешке не утаишь...», «Ростовщик», стихотворения «Псовая охота», «Родина»). Давно уже установлено, что образ «угрюмого невежды» в «Родине» восходит к реальной личности отца поэта. Алексей Сергеевич Некрасов был очень типичной и колоритной фигурой эпохи крепостничества, и исследователи (А. В. Попов, В. А. Архипов, А. Ф. Тарасов)¹ все отчетливее различают черты его облика и в скупом, мрачном, грубом герое «Псовой охоты», и в

¹ О А. С. Некрасове как прототипе Оболта-Оболдуева см.: Тарасов А. Ф. О местных источниках поэмы // Истоки великой поэмы. Ярославль, 1962. С. 44—47.

образе Гаврилы Афанасьевича Оболта-Оболдуева. Оболта роднит с А. С. Некрасовым кулачный метод расправы с крепостными, страсть к охоте, дворянский гонор. Но, как известно, тип никогда не равен прототипу. Оболт-Оболдуев — ПОМЕЩИК, образ, синтезирующий в себе черты, наблюдаемые Некрасовым не только у отца, но и других помещиков пореформенной эпохи.

Образ Оболта нарисован сатирически. Это определяет выбор автором фамилии героя, особенности его портретной характеристики, смысл и тон рассказа помещика.

Очень любопытна работа автора над именем героя. Во Владимирской губернии были помещики Аболдуевы и Оболдуевы. Во времена Некрасова слово «обалдуй» значило: «невежа, неотесанный, болван». Этот сатирический оттенок в реальной фамилии старинного дворянского рода и привлек внимание Некрасова. А затем поэт, опять-таки используя действительные фамилии ярославских дворян, насыщает фамилию Оболдуев дополнительным сатирическим смыслом: Брыково-Обалдуев (= болван с норовом), Долгово-Обалдуев (= разоряющийся болван) и, наконец, сконструированное по образцу реальных двойных фамилий — Оболт-Оболдуев (= дважды болван, ибо «оболтус» — синоним слова «болван»)².

Образ помещика Гаврилы Афанасьевича Оболта-Оболдуева строится автором на выявлении постоянного несоответствия между тем, что думает герой о себе, какой смысл он вкладывает в свои слова, и тем, какое впечатление производит он сам и его рассказ на слушателей — мужиков и на читателя. И это впечатление ничтожности, незначительности, самодовольства, чванливости и комичности героя создается уже первыми строками, рисующими внешность Оболта. Перед странниками предстал «какой-то барин кругленький, / Усатенький, пузатенький», «румяненький, / Осанистый, присадистый». Во рту у него не сигара, а «сигарочка», выхватил он не пистолет, а «пистолетик», такой же, как сам барин, «толстенький». В таком контексте упоминание об «ухватках молодецких» приобретает иронический оттенок, тем более что герой явно не храброго десятка: увидев мужиков, он «перетрусился», «пистолетик выхватил»

² Наблюдения о работе автора над именем Оболта взяты из цит. ст. А. Ф. Тарасова. См. также: *Розанова Л. А. Поэма Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо»: Комментарий.* Л., 1970. С. 212.

И дуло шестиствольное
На странников навел:
— Ни с места! Если тронетесь,
Разбойники! грабители!
На месте уложу!..

Воинственная трусость Оболта настолько диссонирует с намерениями правдоискателей, что невольно вызывает их смех.

Оболт смешон. Смешон, когда с пафосом рассказывает о «подвигах» своих предков, тешивших медведями государыню, пытавшихся поджечь Москву и ограбить казну, когда чванится своим «родословным деревом». Смешон, когда, забыв про «рюмку хереса», «вскочив с ковра персидского», перед семью зоркими наблюдателями в охотничьем азарте машет руками, подпрыгивает, кричит диким голосом «Эй! улю-лю! а-ту!», воображая, что травит лису.

Но Оболт-Оболдуев мужикам не только смешон. Внутренняя враждебность и недоверие к помещику сквозят в каждом слове, в каждой реплике странников. Они не верят «честному, дворянскому» слову, противопоставляя его «христианскому», так как слово

Дворянское с побранкою,
С толчком да с зуботычиной,

ненавистно начинающему сознавать свои человеческие и гражданские права мужику.

В репликах, которыми обмениваются помещик и мужики, сквозит взаимное презрение, издевка, плохо скрытые у Оболта:

Садитесь, ГОСПОДА!...
Прошу садиться, ГРАЖДАНЕ! —

запрятанные в лукавую иронию — у мужиков. Ироническими репликами они обнажают нелепость сословной кичливости Оболта:

Кость белая, кость черная,
И поглядеть, так разные...

Дают оценку «подвигам» его предков:

Не мало их шатается
Прохвостов и теперь...

По пословице «яблоко от яблони недалеко падает» оценивают и самого Гаврилу Афанасьевича:

А ты, примерно, яблочко
С того выходишь дерева?

•Расположась на коврыке
И выпив рюмку хересу,
Помещик начал так...•

Скрытая, но то и дело прорывающаяся неприязнь мужиков к помещику обосновывается всем смыслом его рассказа о привольной жизни в дореформенные времена, когда помещикам на Руси жилось «как у Христа за пазухой».

Основой ощущения счастья жизни для Оболта является сознание обладания собственностью: «твои деревни», «твои леса», «твои поля», «свои индейки жирные», «свои наливки сочные», «свои актеры, музыка», каждая травка шепчет слово «твоя». Это самодовольное упоение СВОИМ счастьем не только ничтожно в сравнении с «заботой» правдоискателей, но беспредельно цинично, ибо утверждается «с позиций силы»:

Ни в ком противоречия,
Кого хочу — помилю,
Кого хочу — казню.
Закон — мое желание!
Кулак — моя полиция!
Удар искросыпительный,
Удар зубодробительный,
Удар скуловоррот!..³

И хотя тут же Оболт пытается представить свои отношения с крепостными в патриархально-идиллических тонах (совместные молитвы в барском доме, христосование в Пасху), мужики, не веря ни единому его слову, иронически думают:

Колом сбивал их, что ли, ты
Молиться в барский дом?

Перед теми, кто надрывается от безмерного труда («трещит крестьянский пуп»), Оболт чванливо заявляет о своем неумении и нежелании трудиться, о своем презрении к труду:

Я не крестьянин-лапотник —
Я божиею милостью
Российский дворянин!..
Сословья благородные
У нас труду не учатся..
Скажу я вам, не хвастая,
Живу почти безвыездно

³ В статье М. Я. Блинчевской «О нескольких строках поэмы „Кому на Руси жить хорошо“» (Некрасовский сборник, IX. Л., 1988. С. 116) сообщается, что в первой редакции добролюбовского «Письма из провинции», опубликованного в первом номере «Свистка» (1858), есть следующий отрывок: «Один из наших знакомых, практический человек, утверждал, что бывают трех родов удары: искросыпительные, зубодробительные и скуловоротные, но что на практике различить их очень трудно...»

Вот так, «по словечку в течение двадцати лет...».

В деревне 40 лет,
А от ржаного колоса
Не отлячу ячменного...

Прием «исповеди» Оболта Некрасов использует для того, чтобы обнажить паразитизм и «хищные интересы» помещиков-крепостников и вызвать презрение к бездуховному и основанному на бессовестной эксплуатации крестьянского труда идеалу помещичьего счастья. Оболт сам признает свою полную никчемность, сам дает единственно возможную оценку своей жизни:

Коптил я небо божие...

Но «грудь помещичья» дышала «свободно и легко» во времена крепостничества, пока не «порвалась цепь великая»... В момент же встречи с правдоискателями Оболт-Оболдуев преисполнен горечи:

И все прошло! все минуло!
Чу! Похоронный звон!..
...По жизни по помещичьей
Звонят!..

Гаврила Афанасьевич замечает перемены, которые произошли в общественной жизни России. Это и упадок помещичьего хозяйства («усадыбы переводятся», «разобран по кирпичику / Красивый дом помещичий», «поля — недоработаны», в барском лесу звучит «разбойничий» мужицкий топор), это и рост буржуазного предпринимательства («распложаются питейные дома»). Но более всего гневят Оболта мужики, в которых нет прежней почтительности, которые «шалют» в помещичьих лесах, а то и еще хуже — поднимаются на бунт. Эти перемены помещик воспринимает с чувством горькой враждебности, т. к. они связаны с разрушением патриархальной помещичьей Руси, столь милой его сердцу.

При всей определенности сатирической окраски образа Оболт, однако, не маска, а живой человек. Автор не лишает его рассказ субъективного лиризма. Гаврила Афанасьевич почти вдохновенно рисует картины псовой охоты, семейного быта «дворянских гнезд». В его речи возникают картины русской природы, появляются высокая лексика, лирические образы:

О матушка! о родина!
Не о себе печалимся,
Тебя, родная, жаль.
Ты, как вдова печальная,

Оболт дважды повторяет слова: «не о себе печалимся». Ему, в расстройстве чувств, пожалуй, и впрямь верится, что он печалится не о себе, а о судьбе родины. Но слишком уж часто в речи помещика звучали местоимения «Я» и «мое», чтобы можно было хоть на минуту поверить в его сыновнюю любовь к Родине. Оболту горько за себя, он рыдает оттого, что распавшаяся цепь крепостничества ударила и по нему, реформа возвестила начало помещичьего конца.

Когда-то Маркс писал, что «человечество смеясь прощается со своим прошлым, с отжившими формами жизни».⁴ Оболт как раз и воплощает в себе те отжившие формы жизни, с которыми прощалась Россия. И хотя Гаврила Афанасьевич переживает тяжелые минуты, его субъективная драма не есть драма объективно-историческая. И Некрасов, взгляд которого устремлен к России будущего, учит смеясь расставаться с призраками прошлого, чему и служит сатирико-юмористическая окраска главы «Помещик».

Распавшаяся цепь великая, ударив одним концом по барину, другим, и гораздо большее, ударила по мужику, ибо как ни рыдай помещики, а земля-то все-таки им «осталась»... А что же мужику делать без земли?

Мужики-правдоискатели «доведали» попа и помещика (часть 1). Встречи с чиновником, купцом, министром, царем должны были значительно расширить социальные границы повествования. Но после окончания первой части поэмы в работе над ней наступает значительный перерыв. Некрасов не оставил нам никаких свидетельств о причинах этого перерыва, но установить их нетрудно.

Первая часть эпопеи закончена. В «Современнике» № 1 за 1866 год опубликован «Пролог». На очереди — остальные главы. Но весной 1866 года, в связи с покушением Каракозова, на «Современник» обрушиваются беды, ибо в нем кровавый диктатор Муравьев-Виленский видит источник крамолы. Попытки Некрасова спасти журнал оказываются неудачными, и в мае 1866 года «Современник» был закрыт.

Все силы Некрасова в течение двух лет сосредоточены на борьбе за создание нового печатного органа революционной демократии, каким и стали с 1868 года «Отечественные за-

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс об искусстве. М., 1967. Т. 1. С. 45.

писки». И хотя по складу своего характера Некрасов, как свидетельствовал Н. Г. Чернышевский, не мог писать, если не видел возможности напечатать написанное, мысль о продолжении поэмы не оставляла его, о чем свидетельствует ряд черновых набросков в рукописях поэта.⁵ Это и ранние планы, наброски отдельных эпизодов, набросок-заготовка для главы о купце («Купец умирает. Когда ему плохо, выдает по 3 коп. на нищего, когда поотпустит — 1½»), в которой подчеркивается скупость героя и смесь в его характере расчетливости с ханжеством. Глава осталась ненаписанной, но образы купцов, мелькающие в поэме («Пьяная ночь», «Счастливые»), охарактеризованы близко к задуманному направлению. Но наибольший интерес представляют черновые разработки главы о встрече странников с чиновником. Судя по наброскам, она должна была стать одной из самых интересных и драматических частей поэмы.

Замысел главы связан с фактами реальной действительности, хорошо знакомыми Некрасову.⁶ В конце 1860-х годов северные губернии России охватил голод и одновременно эпидемия холеры и сибирской язвы. Они свирепствовали и в таких знакомых Некрасову по его неоднократным охотничьим поездкам местах, как Рыбинск и Шексна.

Мы помним слова сестры поэта, что он, возвращаясь с охоты, редко не привозил материала для своего творчества. Поездки на Шексну (начиная с 1866 года) делали Некрасова непосредственным наблюдателем и слушателем рассказов о развернувшихся в этих местах трагических событиях. Дополнительную информацию о них поэт получал от своих многочисленных знакомых по совместной охоте.

Думается, о драматизме содержания задуманной главы лучше всего говорят сами черновые наброски Некрасова, абсолютно не поддающиеся пересказу:

«Подготовка для сибир<ской> язвы — голод, тогда и на людях; в В. уезде до 400 чел. Ниловцы — и в Белозерск бурлаки приходят на заработки; работы нет, <нрзб> теперь, за-

⁵ См. Н. П. Т. 5. С. 592—598.

⁶ Впервые они были обстоятельно проанализированы А. Ф. Тарасовым в статье «О местных источниках поэмы» (Истоки великой поэмы. С. 54—55), затем в кн. «Некрасов в Карабихе» (Ярославль, 1982. С. 130—136).

Очень много нового любопытного документального материала по этому вопросу содержится в статье В. А. Кошелева «Материалы для Шексны» Некрасовский сборник, IX. Л., 1988. С. 144—147).

стой судов. Ждут, мрут массаи, подождав, отправляются с тифом в Арх<ангельскую> губ<ернию> обратно. Идут больных целые партии изнур<ительно> далеко <нрзб>, верст 400.

Весной тиф от недостатка пищи, лихорадки при разли-тии вод.

Без лекарства для принятия мер против <распр>остране-ния, отделение больных. <Нрзб>. Зарывание трупов.

На барках — 3—4 креста — покойники, везут до 1-го по-госта.

(Вельяшева, ее муж, от них сведения о голоде.)

От укушения насекомых.

15 лошадей тянут барку». <5>

Один из черновых набросков <8> был опубликован С. И. По-номаревым в 1879 году (Ст. 1879, т. IV, с. XXXIX). Поясняя его, С. И. Пonomарев писал: «По смерти поэта в его бумагах найден был план еще одной задуманной им части поэмы под заглавием „Смертушка“. Действие происходит на Шексне в самый разгар сибирской язвы. По бичевнику бродят полужи-вые лошади, тут же валяются мертвые. По реке плывут лоша-диные трупы. Ночь. По берегам местами разложены костры, у которых видны фигуры судорабочих. ... под утро, среди этой обстановки — вопрос крестьян к исправнику, рассказ его, которым я поканчиваю с тем мужиком, который утверждал, что счастлив чиновник».

Рассказ исправника:

«И точно видишь, — говорит исправник, — грехам на тебе и счету нет. Да только не в том они — не в тощей курице и пр. Пальцем в небо попала литература. А подымай выше! Гре-хи на тебе самые черные. Прежде думал: исполняю долг, за-кон — и спал спокойно. А тут не стало спать. Пуще всего подати да мужицкие ваши преступления. Как позовет тебя губернатор да даст приказ во что бы то ни стало к такому-то числу такую-то сумму очистить!.. Ну и едешь во все свое цар-ство, в уезд, словно в воду опущенный — знаешь, что везешь туда горе, слезы, и столько этих слез и горя. Самому на себя странно; думаешь, ну, что я нос-то опустил в самом деле? Ведь не на разбой еду? — долг исполнять. А тут тебе совесть или какой-нибудь г. Щедрин на память придет, долг долгу рознь... Зверем-то не всякий родится, даже редко, чтоб чувствовал удовольствие, как зубы валяются изо рта мужика, борода реде-ет, да чтоб кричал, бранился, все это комедия; совсем невесе-ло залезать в бабий сундук, где у нее праздничное платье, да

холст на саван, отрубать горенку, вести на продажу коровенку и видать, как ребята за нее цепляются, как за кормилицу... ну да сами знаете... ну так вот тут устой. Дери бороды, бей в зубы! А преступления? То и знай „не виноват“, а ты его под кнут, а ты его в Сибирь. А то взятки. Яичница! Сивуха! Сколько ни надери коры в лесу, кроме лаптей ничего не поде-лаешь из нее. А и тут случалось покрывать, и вот за какую-нибудь бедную девку, что спас от плетей (родила, хотела подкинуть, утопила), вот та моя-то курица простится, думаешь... Я вор! Не знаете, где воры-то. Вы воры, что ли?

Ну, а я чем хуже вас? По Сеньке шапка».

Есть в замысле главы «Смертушка», в рассказе исправника нечто общее с главой «Поп», но драматические тона здесь предельно сгущены. Поп с чувством глубокой скорби говорил о горе осиротевшей семьи и, мучаясь сознанием своей сопричастности к этому горю, продолжал, однако, «сбирать мирские гривенки» и медные пятаки с нищего мужика. Здесь — зловещая атмосфера массового народного бедствия: ночь, костры, плывущие лошадиные трупы, кресты на барках... Трагедия грядущего сиротства, голода, безвыходности. И на фоне этих, хватающих за душу, сцен — исповедь исправника, в которой равно потрясают картина бесправия народа, глумления над ним и трагедия пробуждения совести, трагедия, не имеющая исхода, ибо как поп берет из руки старухи два медных пятака, хоть и переворачивается его душа, так и исправник, мучаясь и кляня себя, поедет в свой уезд и будет драть бороды, залезать в бабий сундук и уводить с крестьянского двора последнюю коровенку...